

ОТЧУЖДЕНИЕ: ОТ ГЕНЕЗИСА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматривается процесс отчуждения, начиная от истоков этого явления, через призму социо-философского анализа, до современных актуальностей. Подчеркивается, что для общества представляет опасность не любое отчуждение, которое до определенных пределов является вполне естественным процессом общественной жизни, а тот уровень, когда деятельность человека и его творения противостоят человеку, как чуждая и враждебная сила, довлеющая над ним и диктаторски определяющая его поведение, а именно тотальное отчуждение.

В деятельности и через деятельность люди самовыражают себя и утверждают свое место в мире как существа общественные. Не случайно деятельность рассматривается как способ существования человека, способ его бытия, как отношение к миру, как проявление человеческой жизни, форма выражения активности человека, как способ самоутверждения человека в мире. Но этот процесс зачастую сопряжен с отчуждением, которое, подобно раковой опухоли, при определенных условиях дает свою метастазу – и жизнь обретает свою противоположность. Отчуждение человека от процесса труда, продукта труда, от своей родовой сущности и от другого человека приводит к тому, что человеческая жизнь подменяется имитацией жизни.

Отчуждение – отношения между социальным субъектом и какой-либо социальной функцией, складывающиеся в результате разрыва из изначального единства, ведущего к объединению природы субъекта и изменению (извраще-

нию, перерождению) природы отчужденной функции, а также сам процесс разрыва этого единства [1, с. 252].

Истоки понятия отчуждения обнаруживаются уже в древнегреческой философии. В диалоге "Тимей" (или о природе вещей) Платон обращает внимание на создание мира, когда "Бог творит мир как некое состояние "не-я", отчуждая от себя мир человека и человека мира [2, с. 106]. В другом диалоге "Федр" он развивает учение о душе, которая заключена в тело, как в гробницу. Лишь в смерти тела спасение души от отчуждения [2, с. 423]. В принципе, эта идея не представляется новой. Еще раньше ее отстаивали орфики, испытав на себе влияние древнеиндийской мифологии. Они полагали, что главная цель жизни заключается в освобождении душ от тела, в снятии оков для осуществления подлинной неотчужденной жизни. Но Платон мифологическому толкованию придает философский характер.

У Аристотеля отчуждение носит более приземленный характер. Оно связано с функционированием государства как "общения свободных людей", объединенных в самодовлеющее целое, и означает исключение или передачу из этого целого собственности, которая должна быть общей только в относительном смысле, а вообще – частной. Философ высказывает мысли о положительном характере частной собственности, о том, что она обеспечивает суверенность человека, является условием его самовыражения. Через собственность индивид вступает в отношения с обществом [3, с. 405-411].

Идеи Аристотеля были надолго преданы забвению в последующий период развития общества, когда на место философии приходит религия. Светские проблемы обретают религиозный характер.

Аврелий Августин обратился к этико-социальным воззрениям, основывающимся на антитезе божьей благодати (добра) и греховной природы человека (злой воли). Идея о наследственной греховности человека, преподносимая ветхозаветным мифом как своего рода парадигма, у Августина возводится в теорию. Первородный грех выражается у него тройко: в слабости человеческой воли, в незнании бога и добра, в стремлении к пороку. Последнее и есть испорченность души в наиболее существенном смысле. Прямым следствием испорченности выступают похоти как страстные душевные влечения. Это выражается у него тройко: в слабости человеческой воли, в незнании бога и добра, в стремлении к пороку. Последнее и есть испорченность души в наиболее существенном смысле. Прямым следствием испорченности выступают похоти как страстные душевные влечения. Августин употребляет понятие "отчуждения" в смысле разрыва между грешным телом и свободным духом [4, с. 198]. В целом в религиозной философии прослеживаются три значения отчуждения: а) большое состояние свободного духа; б) освобождение от чувственного духа; в) выход за пределы "Я". Но каждое из этих значений в качестве основного источника отчуждения рассматривают первородный грех.

В эпоху Возрождения отчуждение рассматривается уже в связи с обоснованием земного предназначения человека. По отношению к природе человек становится чем-то внешним. Чем больше нарастают предпосылки индустриального общества, тем настойчивее философия рассматривает внешний мир как помеху, противостоящую человеку и ограничивающую его деятельность". Своей деятельностью он не ослабляет, а только усиливает механизм отчуждения. В эпоху Возрождения, как и в предыдущих случаях употребляется еще и в метафорическом значении, хотя отрицание отчуждения связывается уже не с Богом, а с разумом человека" [5, с. 10].

В эпоху Нового времени отчуждение обретает земное назначение и получает философскую интерпретацию в разных формах: метафорическую – у Ф. Бэкона; юридическую – у Гоббса, Жан-Жака Руссо, Локка; метафизическую – у И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля; антропологическую – у Л. Фейербаха, Сен-Симона.

Карл Маркс значительно актуализирует понятие отчуждения, наполняет его новым смысловым содержанием, истолковывая предметную суть данного явления как проблему фактического социального положения конкретных индивидов. В соответствии с европейской традицией гуманизма в центре внимания теории Маркса отчуждения стоит проблема дегуманизации человека в условиях формирования “чуждой воли”. Отказавшись от признания разума в качестве специфической характеристики человека, он усматривал его сущность прежде всего в практической социальной деятельности.

Человек как изначально общественное (родовое) по своей природе существо подчиняется объективным и устойчивым компонентам бытия, которые включены в личностные структуры людей и детерминируют их индивидуальный внутренний мир: сознание, мораль, национально-культурные традиции, правовые нормы и так далее. Они существуют независимо от воли и желания индивида, поэтому выступают как “отчужденные сущностные силы”, господствующие и давящие над ним. Главным детерминирующим фактором процесса отчуждения, по Марксу, являются социальные условия, основанные на частной собственности, эксплуатации, угнетении человека человеком при господстве антагонистических общественных отношений. Отчуждение проявляется, прежде всего, в парадоксальном превращении человеческого труда в деятельность, противостоящую самой себе как по форме, так и по результатам. Источник данного деструктивного процесса Маркс видит, прежде всего, в самоотчуждении человека, которое возникает вследствие того, что он, оказывается не в состоянии постичь в предметном продукте своей трудовой деятельности нечто родственное себе, тождественное своей природной сущности. Сам труд становится вынужденным, принудительным, он не является потребностью человека, а служит лишь средством удовлетворения других потребностей. Такой труд, подчеркивает Маркс, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание, тем более, что такой труд принадлежит не ему, а другому, а потому и сам человек себе принадлежать не может. Отсюда индивид только вне труда чувствует самим собой, не оторванным от себя. По этому поводу Маркс даже отмечает: “В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т.д. – а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным” [6, с. 230-231].

С развитием человечества от “традиционных” обществ к современным “индустриальным” наступает новая эпоха, характеризующаяся господством отношений “личной независимости”. Речь здесь идет о развитом индустриальном обществе с единым мировым финансовым рынком, господством наемного труда и правовым обеспечением личной свободы индивида. Маркс характеризует эту эпоху как “...систему универсального общественного обмена веществ, универсальных отношений, всеобщих потребностей и универсальных потенций” [7, с. 101]. Господство социального отчуждения на этой стадии принимает уже не личную, а вещную форму, и наиболее наглядно выражено в деньгах.

Противоположный по своей направленности по отношению к отчуждению процесс – это процесс самоосвобождения человека, который представляется

им в форме освоения, когда человек должен освоить, сделать своим внутренним достоянием отчужденные от него силы. Поэтому для того, чтобы решить проблему отчуждения труда, недостаточно упразднить частную собственность. "Положительное" упразднение всякого отчуждения согласно воззрениям Маркса, возможно только при подлинном освоении человеческой сущности человеком и для человека. Отсюда требуется "полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, то есть человеческому" [6, с. 258]. (В данном случае "положительное" упразднение частной собственности выступает у Маркса не только как социальный, но и как "метафизический" акт). При этом он уточняет, что необходимо возвращение человека из религии, семьи, государства и так далее к своему человеческому, то есть общественному бытию. Последнее возможно, как утверждает Маркс, только в условиях коммунизма, приравненного им к подлинному гуманизму, который и есть единственно возможное и верное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом.

Таким образом, по Марксу, на коммунистической стадии развития человечество восходит на ступень "освоения", что означает ликвидацию отчужденных и овеществленных сил, подчинению их личному развитию индивида. В общественных отношениях господствует "свободная индивидуальность", основанная на универсальном развитии "общественных индивидов".

Исходя из позиции субстанциализации социальной практики, Маркс развивает концепцию диалектического социального изменения на основе общественных противоречий, антагонистических конфликтов. По его мнению, социальный конфликт – не аномалия, а необходимая норма существования общества, имеющего классовую структуру. Острые противоречия в таком обществе неизбежны, поскольку в нем функционирует "ложное", искаженное индивидуальное и массовое сознание, в противовес которому действует "классовое", истинное сознание. Социальная группа, обладающая последним, может оказывать реальное гармонизирующее влияние на формирование структур общества, которые в состоянии оказывать гуманистическое воздействие на человека и общественных отношения в целом.

Несмотря на известную гиперболизацию Марксом роли социальных отношений в стабильном функционировании общества, его теория отчуждения вносит неоспоримо весомый вклад в осмысление деструктивных общественных процессов вообще, и процессов, связанных с аномией, частности. Эта концепция, безусловно, сохраняет большую методологическую значимость для уяснения негативных явлений и в современных условиях.

В конце XIX – начале XX в. Э. Дюркгейм разработал теорию аномии (от франц. *anomie* – буквально беззаконие, безнормность, от греч. *a-* отрицательная частица и *nomos* – закон), в которой описал понятие отчуждения. В своих работах "О разделении общественного труда" (1893), "Самоубийство" (1897) он отмечал, что аномия характеризуется дезориентацией общества, все сферы которого (экономическая, социально-политическая, духовная) находятся в кризисном состоянии.

Аномия характеризуется переходным состоянием общества. А конкретно, переходом от традиционного к индустриальному (в марксистском понимании от феодализма к капитализму) обществу.

По Дюркгейму традиционное общество более замкнутое и, соответственно, более устойчивое. С другой стороны, эволюция, как и социальная революция,

ведущая к промышленному обществу, ставит многих индивидов в неопределенное социальное положение в смысле отсутствия твердых жизненных целей, норм и образов поведения.

Дюркгеймовская концепция аномии была использована Мертоном при анализе отклоняющегося поведения. Отчуждение – результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предписанными всеобщими целями. Оно возникает тогда, когда люди не могут достичь навязанных им целей, “нормальными”, ими же установленными средствами. “С одной стороны от него требуют, чтобы он ориентировал свое поведение в направлении накопления богатства, а с другой – ему почти не дают возможность сделать это институциональным способом” [8, с. 258]. На возникающий социокультурный феномен различные страты социума реагируют по-разному. Р. Мертон различает их по пяти основным группам.

Первая из них – конформистская. Это приспособленчество, характерное для постсоветского “молчаливого большинства”, общество, где доминирующее положение занимает подданнический тип политической культуры.

Для второй группы характерен инновативный тип поведения. Так, российский социолог В.В. Кривошеев, отмечая специфику аномии и ее небывалую криминальную насыщенность, делает вывод, что для современной ситуации характерна “криминализация всего социума” [9, с. 97].

Третья группа – это индивиды ее составляющие, для которых главное не достижение целей, а ритуалы, “замешанные” на бюрократизме и формализме. Это подтверждают количественные и качественные показатели постсоветских вертикалей, горизонталей и пирамид, превзошедших по этим цифрам советскую номенклатуру.

Четвертая группа – индивиды, изолированные от своего социального окружения (ретризм). К их числу относится растущее число алкоголиков, наркоманов, самоубийц и т.д.

Пятая группа конфликтующих предпочитает бунт, мятеж и т.д. Это характерно для радикальных молодежных группировок, субкультур, нетрадиционных профессиональных сект и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что мертоновский анализ актуален для постсоветского развития.

С другой стороны, переход к смешанному обществу в постсоветской трансформации идет от “развитого социализма”. Еще один аспект отчуждения заключается в том, что советское общество путем весьма болезненных социальных травм выросло до относительно целостного образования. Академик Е.М. Бабосов, анализируя духовное начало позднего советского общества, отметил, что социальная жизнь расслоилась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной все советские люди – убежденные сторонники социализма, в личной – очень многие, особенно на верхах социальной пирамиды – приспособленцы и перерожденцы, все более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил [10, с. 21]. Отчуждение, как известно, было с национальной спецификой не только у республик и народов СССР, но и в “социалистическом лагере” Восточной Европы. Так, Президент Социологической

международной Ассоциации с 2002 по 2006 г. П. Штомпка ведет речь, в частности, "о концепции социальной травмы", позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований [11, с. 3-11].

Личность должна жить в "нормальном обществе", то есть в таком социуме, который отличается высокой жизнеспособностью, гибкостью, высокой адаптивностью к изменяющимся условиям. Такое общество характеризуется целостностью, устойчивостью общественных систем, постоянным стремлением продвигаться вперед, открытостью, естественностью, управляемостью.

Анализируя проблему отчуждения, необходимо иметь в виду, что тем самым мы можем раскрыть причины трудностей постсоветского и современного белорусского общества. Отчуждение присуще индустриальному, постиндустриальному, также как и обществу "развитого социализма". Оно присуще и трансформационному постсоветскому обществу. В экономическом обществе это олигархический ее уровень в России и на Украине, в других странах это "жесткое" государственное регулирование. В политической области – это предвыборные и выборные скандалы, давление толпы или так называемые революции всех цветов радуги. В сфере духовной жизни – это коммерциализация культуры, зависимость людей культуры и науки от фондов, грантов, начальников, меценатов и т. д.

Для общества представляет опасность не любое отчуждение, которое до определенных пределов является вполне естественным процессом общественной жизни, а тот уровень, когда деятельность человека и его творения противостоят человеку, как чуждая и враждебная сила, довлеющая над ним и диктаторски определяющая его поведение. Это тотальное отчуждение. Оно парализует нормальную жизнедеятельность общества, лишает индивида права на деятельность, как творческую самодеятельность. Поэтому, чтобы ослабить, а затем и упразднить его, нужны усилия всего общества и каждой отдельной личности. "Однако никому из современных исследователей не удалось предложить такие пути снятия отчуждения, которые одновременно не вели бы к развитию каких-либо других форм отчуждения" [1, с. 253].

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная западная социология: Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
2. Антология античной философии / сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 415 с.
3. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. – М., 1983. – Т. 4. – 830 с.
4. Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с.
5. *Кальной, И.И.* Отчуждение истоки и современность / И.И. Кальной. – Симферополь: Таврия, 1990. – 192 с.
6. *Маркс, К.* Экономико-философские рукописи 1844 года. – В кн.: Карл Маркс. Социология. Сборник. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 2000. – 432 с.
7. *Маркс, К.* Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 46. – Ч. 1.
8. *Бабосов, Е.М.* Прикладная социология / Е.М. Бабосов. – Мн.: Тетра Системс, 2000. – 496 с.
9. *Кривошеев, В.В.* Особенности аномии в современном российском обществе / В.В. Кривошеев // Социс. – 2004. – № 3. – С. 93-97.
10. *Бабосов, Е.М.* Катастрофа как объект социологического анализа / Е.М. Бабосов // Социс. – 1998. – № 9. – С. 19-25.
11. *Штомпка, П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 3. – С. 3-12.